
ТЕОРИЯ ПРАВА

Добросовестность участников договорных отношений как условие защиты их субъективных гражданских прав

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹ (далее — Концепция) предлагается признать добросовестность в качестве одного из принципов гражданского права, который будет иметь определяющее значение при: а) установлении прав и обязанностей (ведении переговоров о заключении договоров и т. д.); б) приобретении прав и обязанностей; в) осуществлении прав и исполнении обязанностей; г) защите прав. Принципу добросовестности должна подчиняться и оценка прав и обязанностей сторон (п. 1.1 Общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации в Концепции). Однако Концепция не содержит понятия добросовестности. Поэтому в целях совершенствования законодательства и практики его применения оно должно быть выработано наукой гражданского права. Необходимо также определить, в каком качестве применяется в действующем законодательстве термин «добросовестность».

Л. Щенникова в этой связи пишет: «В осуществлении субъективных гражданских прав и исполнении обязанностей важнейшее значение имеет принцип добросовестности... Нравится мне категория добросовестности. Сегодня она получила законодательное закрепление в статьях ГК, но законодателем не сформулирован четко сам принцип добросовестности как руководящая идея, основное начало гражданского законодательства»².

Так чем же является добросовестность? Правовым принципом, категорией права? Или же возможно использование данного термина и в одном, и в другом качестве?

В. Грибанов к принципам права относил руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение³. В то время как «...категории права» — компоненты правовой нормативной структуры, инструмент правового регулирования⁴. А. Васильев примерами категорий права называет следующие: «субъекты права», «субъективное право», «юридическая обязанность», «объект правоотношения», «юридический факт»⁵.

О. Красавчиков к категориям права относил существенные и несущественные, обычные и случайные, материальные и формальные условия договора⁶. Известно, что свобода договора является одним из принципов гражданского права (ст. 1 ГК РФ). Однако осуществление этой свободы проявляется, в частности, в том, что стороны

¹ Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 года // СПС КонсультантПлюс: ВерсияПроф.

² Щенникова Л. В. Принципы гражданского права: достижения цивилистики и законодательный эффект // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. — М.: Статут, 2002, с. 58.

³ Грибанов В. П. Гражданское право — отрасль советского социалистического права // Советское гражданское право / Отв. ред. В. П. Грибанов, С. М. Корнеев. — М., 1979, т. 1, с. 24.

⁴ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М., 1976, с. 91.

⁵ Там же, с. 176.

⁶ Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2-х т. Т. 2. — М., 2005, с. 280.

по своей воле формируют условия договора. Таким образом, посредством тех или иных категорий права происходит конкретизация принципа применительно к определенным отношениям. Следует предположить, что подобная схема будет характерна и для добросовестности, которая может быть закреплена в законе и как принцип права, и как категория права.

Установление содержания добросовестности оказалось весьма сложной проблемой не только для отечественной, но и для мировой цивилистики. И. Покровский привел высказывание немецкого исследователя Е. Эрлиха по поводу понятия добросовестности: «Что такое по германскому праву представляет злоупотребление правом, в каких случаях есть нарушение «Treu und Glauben» или «добрых нравов» — этого мы сейчас не знаем, так как закон ничего об этом не говорит; мы узнаем это только из судебных решений через сто лет...»⁷ Е. Эрлих издал свое произведение в 1913 году — 100 лет уже на исходе, однако проблема определения понятия и содержания добросовестности еще ждет своего решения.

Английский исследователь Р. Гуд (R. Goode) высказал такое суждение: «мы в Англии полагаем трудным принять общую концепцию добросовестности, мы не знаем на самом деле, что это означает»⁸. Р. Гуд отметил также, что добросовестность есть «неопределенное понятие справедливости, которое делает судебные решения непредсказуемыми»⁹. Мнение К. Скловского еще более категорично: добросовестность не может быть исчерпывающим образом определена даже доктринально, а тем более легально¹⁰. Б. Зеллер (B. Zeller) пришел к выводу, что добросовестность, несмотря на ее «соблазнительную простоту», является неуловимым понятием¹¹.

Сложность его определения обусловлена, прежде всего, тем, что добросовестность отражает некую систему сложившихся в обществе представлений о нравственности поведения субъекта права в гражданском обороте, то есть при приобретении, осуществлении и защите права, а также при исполнении обязанности. В то же время, обсуждая вопрос о нравственности поведения конкретного лица, следует руководствоваться тем, как общество понимает нравственность.

Философы утверждают, что различение морального и аморального, нравственного и безнравственного в обществе основывается на таких категориях этики, как добро и зло¹².

Итак, добросовестность участников гражданского оборота оценивается на основе сложившихся в обществе нравственных устоев, а они, в свою очередь, определяются посредством представлений о добре и зле. Следовательно, добросовестность может быть понята и объяснена только с помощью нравственности, а последняя — через добро и зло. В необходимости определять добросовестность через другие категории, видимо, и состоит основная причина того, что, несмотря на длительную мировую историю исследований, удовлетворительное определение понятия добросовестности отсутствует. Тем не менее оно должно получить объяснение цивилистов для практического применения и в целях дальнейшего развития гражданского законодательства.

Можно признать, что такое поведение участников гражданского оборота, которое согласуется с представлениями общества о нравственности, следует считать добросовестным и наоборот. Сложившаяся в обществе система представлений о нравственности поведения субъекта права, о добре и зле, а в результате — о добросовестности важно определенным образом принять, легализовать; она должна быть признана законом, сформирована в виде обычая или легализована судебной практикой.

⁷ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М., 1998, с. 275.

⁸ Goode R. The Concept of "Good Faith" in English Law // <http://www.cnr.it/CRDCS/goode.htm> 1992.

⁹ Goode R. Op. cit.

¹⁰ Скловский К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право, 2002, № 9, с. 79.

¹¹ Zeller B. Good faith — The Scarlet Pimpernel of the CISG // <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/zeller2.html> 2000

¹² Голубева Г. А. Этика: Учебник. — М., 2007, с. 130.

На международном уровне понятие добросовестности впервые получило отражение в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) (далее – Венская конвенция), где в п. 1 ст. 7 предусмотрено, что при толковании Конвенции необходимо соблюдать добросовестность в международной торговле.

Единообразный торговый кодекс США (ст. 1-203) установил, что «на каждый контракт или обязательство налагается обязанность добросовестности при их исполнении и принудительном осуществлении» и для этих целей ст. 1-201 определяет добросовестность как «честность во всем, что касается поведения или сделки». Этот вариант более исчерпывающий, чем тот, который сформулирован Венской конвенцией, и непосредственно относится к сторонам. Но в данном контексте применение добросовестности ограничивается исполнением и принудительным осуществлением и не распространяется на преддоговорную стадию. Более широкий подход к добросовестности присущ иным национальным и международным актам. Например, ст. 242 Германского гражданского уложения устанавливает, что «должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи оборота». Согласно п. 3 ст. 1134 Французского гражданского кодекса договоры должны исполняться добросовестно. Статья 1.7 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА предусматривает, что каждая из сторон должна действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле. Статья 1.106 (1) Принципов Европейского договорного права содержит подобное правило.

И те, и другие Принципы при этом закрепляют положение, что стороны не могут исключить или ограничить обязанность действовать добросовестно.

Б. Зеллер отметил, что для добросовестности характерна некая двойственность: с одной стороны, она характеризует психическое состояние субъекта права и в данном контексте применяется при толковании и применении законодательства (автор анализирует Венскую конвенцию), с другой – представляет собой принцип права, содержащийся в положениях Венской конвенции, в связи с чем содержание добросовестности получило отражение в законодательстве и способствует разъяснению цели законодательства¹³.

Добросовестность участников гражданского оборота зафиксирована во многих нормах гражданского законодательства Российской Федерации: есть такие, где прямо указано на необходимость добросовестного поведения субъектов права, и такие, в которых о добросовестности прямо не говорится, сам термин не употребляется, но по смыслу речь идет именно о добросовестности участников гражданского правоотношения.

Статьи 302, 303 ГК РФ называют добросовестного и недобросовестного приобретателя (не знал и не мог знать, знал или должен был знать). О недобросовестном поведении обогатившегося лица упоминается в ст. 1103 ГК РФ.

Вместе с тем в ГК РФ термин «добросовестность» в ряде случаев используется в ином плане. Так, согласно п. 3 ст. 602 Кодекса при разрешении спора между сторонами об объеме содержания, которое предоставляется или должно предоставляться гражданину, суд должен руководствоваться принципами добросовестности и разумности. В силу ст. 662 ГК РФ арендодатель может быть освобожден судом от обязанности возместить арендатору стоимость улучшений, если докажет, что при осуществлении улучшений были нарушены принципы добросовестности и разумности. Как видим, в указанных нормах термин «добросовестность» служит для закрепления его как принципа права. В п. 3 ст. 10 ГК РФ термин «добросовестность» использован для решения вопроса о допустимости или недопустимости защиты гражданских прав. Если субъективное право осуществлено добросовестно, его судебная защита при определенных условиях возможна. В случае недобросовестного осуществления права суд отказывает в его защите. Таким образом, термин «добросовестность» в данной норме помогает решить следующую задачу: увязать защиту субъективного гражданского права с добросовестностью осуществления права на защиту. Поэтому, как

¹³ Zeller B. Op. cit.

представляется, можно утверждать, что в анализируемой норме добросовестность применяется в качестве принципа осуществления права на защиту.

Полагаю, что именно о добросовестности как о принципе права идет речь в ст. 6 ГК РФ (в отношении применения гражданского законодательства по аналогии права), а также в Венской конвенции, в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА и в Принципах европейского договорного права.

Б. Зеллер, характеризуя добросовестность как принцип, отмечает, что, если поведение стороны противоречит содержанию договора, а другая сторона полагается на такое поведение, это является нарушением принципа добросовестности¹⁴.

При анализе материалов судебной практики Б. Зеллер обращает внимание на ситуации, когда суды квалифицировали поведение одной из сторон договора как нарушение принципа добросовестности, в частности слишком позднее проведение осмотра поступившего товара и обнаружение в нем недостатков, навязывание покупателю условий, вынуждающих его торопиться с предъявлением претензии¹⁵.

Следовательно, в правоприменительной практике стран, ориентирующихся на принцип добросовестности, в его содержание включают добросовестное исполнение сторонами своих обязательств. По сути дела, надлежащее исполнение обязательства стороной свидетельствует о соблюдении ею принципа добросовестности, а ненадлежащее — о его нарушении.

Значит, ст. 602 и ст. 662 ГК РФ, где прямо сказано о добросовестности как о принципе права, необходимо применять для оценки не только поведения одной из сторон по договору (п. 1 ст. 302), но и всего, что связано с исполнением стороной своих обязательств перед партнером.

Принцип добросовестности обуславливает иногда необходимость учета интересов контрагентов даже после истечения срока договора. Так, согласно ст. 684 ГК РФ нанятель по договору найма жилого помещения вправе при определенных обстоятельствах требовать от наймодателя не только возмещения убытков, но и возобновления договора с ним. Данное положение предусмотрено на тот случай, если наймодатель примет обязательство не сдавать в течение не менее года в наем соответствующее жилое помещение и не выполнит данной обязанности. В более жесткой форме учтены интересы пользователя по договору коммерческой концессии. Согласно п. 2 ст. 1035 ГК РФ если правообладатель уже после прекращения договора с пользователем решит заключить договор коммерческой концессии с другим субъектом до истечения трехлетнего срока с момента прекращения действия прежнего договора, правообладатель обязан предложить прежнему пользователю заключить новый договор или возместить понесенные им убытки. Условия нового договора должны быть не менее благоприятны для пользователя, чем условия прекратившегося договора.

Принцип добросовестности предполагает предъявление контрагенту соразмерных (пропорциональных) требований. Как пишут Дж. Адамс и Р. Браунсфорд (J. Adams, R. Brownsword), потерпевшей стороне не должно быть позволено обогатиться за счет стороны, нарушившей договор, средства защиты потерпевшей стороны должны быть пропорциональны серьезности последствий нарушения договора¹⁶.

Российская правоприменительная практика изобилует примерами, когда потерпевшая сторона предпринимает попытки взыскать чрезмерно высокую неустойку при отсутствии или небольшом размере убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением договора. Это явно недобросовестные действия потерпевшей стороны, и суд в таких случаях совершенно справедливо уменьшает размер неустойки (ст. 333 ГК РФ) по своей инициативе, не дожидаясь требования заинтересованного лица. Однако в Концепции предлагается изменить содержание ст. 333 ГК РФ, чтобы вопрос об изменении размера неустойки ставился ответчиком, а суд не вправе был бы это делать по собственной инициативе.

¹⁴ Zeller B. Op. cit.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Adams J., Brownsword R. The ideologies of Contract Law // 7 Legal Studies 205 (1987). P. 206–213 // See McKendrick E. Contract Law: text, cases and materials. Oxford. 2005. P. 15–19.

С таким предложением согласиться нельзя. Вопросы нравственности, добрых нравов, добросовестности участников гражданского оборота — это проблема не частных лиц, а всего общества. Контроль за добросовестностью участников договорных отношений должны осуществлять не только сами стороны, но и суды, обладая правом изменить размер неустойки для недобросовестной стороны.

Согласно ст. 10 ГК РФ субъектам гражданского права надлежит руководствоваться принципом добросовестности как при исполнении обязанностей или приобретении прав, так и при их осуществлении. В этой связи возникает вопрос о соотношении понятий «недобросовестное осуществление права» и «злоупотребление правом».

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в «Обзоре практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 года № 127) указал, что к злоупотреблению правом должны относиться недобросовестные или неразумные действия субъектов.

Однако это означает фактическое уравнивание недобросовестности со злоупотреблением правом. Как было показано ранее на примерах отечественного и иностранного законодательства, недобросовестность может проявляться и в таких формах, которые нельзя квалифицировать как злоупотребление правом. По мнению В. Грибанова, злоупотребление правом представляет собой противоправное, виновное, сознательное и намеренное поведение¹⁷. То есть он полагает, что злоупотребление правом есть гражданское правонарушение. Однако недобросовестными могут быть действия, которые не содержат признаков злоупотребления правом. Так, арендодатель вправе отказаться от договора аренды, заключенного на неопределенный срок, предупредив арендатора за три месяца, даже если ему будет известно о трудном экономическом положении арендатора. Такого рода действия следует квалифицировать как недобросовестные, но не как злоупотребление правом. Арендодатель, например, может быть заинтересован в предоставлении в аренду соответствующего имущества на более выгодных для него условиях. Следовательно, возможно недобросовестное осуществление субъективного права, которое не представляет собой злоупотребление правом.

При оценке поведения одной стороны как недобросовестного в ряде случаев возникает необходимость квалифицировать и поведение другой стороны договора: не является ли оно также недобросовестным? ВАС РФ в п. 7 названного Обзора указал, что, несмотря на факт уклонения истца от государственной регистрации договора аренды, его иск о признании договора незаключенным и выселении ответчика из занимаемого им помещения должен быть удовлетворен, поскольку ответчик не предпринял разумно необходимых действий для защиты своих прав, в то время как имел возможность регистрации сделки в судебном порядке. Как видим, недобросовестными в данном споре оказались обе стороны. Однако с учетом фактических обстоятельств дела суд посчитал поведение ответчика более недобросовестным, чем поведение истца, и иск последнего был удовлетворен. Это совершенно справедливо. Договор аренды является предпринимательской конкурентной сделкой. Стороны, заключившие договор, «предполагаются специалистами собственных сделок»¹⁸. Заинтересованный в соответствующем помещении ответчик в данной ситуации должен был принять меры к регистрации договора, в том числе посредством обращения в суд.

Вместе с тем нельзя определять поведение этих сторон как злоупотребление своим правом. Здесь нет признаков правонарушения, поэтому поведение соответствующих лиц можно квалифицировать только как недобросовестное.

Применение принципа добросовестности вызывает определенные сложности на практике.

¹⁷ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. — М.: Статут, 2000, с. 57–62.

¹⁸ Adams J., Brownsword R. Op. cit.

По мнению Р. Браунсфорда, доктрина добросовестности, требующая от сторон договора принимать во внимание законные интересы и ожидания друг друга, ограничивает присущую английскому договорному праву индивидуалистическую этику. Регулируя существенные вопросы договорных отношений, добросовестность, таким образом, посягает (*impinges*) на автономию сторон, что несовместимо с философией свободы договора¹⁹.

В то же время Р. Браунсфорд отмечает и полезный результат применения добросовестности, поскольку стороны договора приобретают большие гарантии при осуществлении своей деятельности, при этом слабая сторона договора получает возможность более эффективно защищать свои интересы²⁰.

В связи с изложенным под принципом добросовестности следует понимать сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственном поведении лица при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей. Правда, может возникнуть вопрос: если добросовестность уже получила отражение в законодательстве как принцип права, то в каком качестве понимается добросовестность в Концепции? Речь идет о повышении значимости принципа добросовестности, который должен быть введен в гражданское законодательство как один «из наиболее общих и важных принципов гражданского права» (п. 6 Введения Концепции).

Однако в действующем законодательстве термин «добросовестность» употребляется для конструирования не только принципа, но и категории гражданского права, посредством которой законодатель ориентирует участников гражданского оборота на поведение, соответствующее принципу добросовестности.

Примером использования термина «добросовестность» в качестве категории права являются ст. 302, 303 ГК РФ, в которых данный термин применен для того, чтобы охарактеризовать отношение владельца имущества к приобретению вещи от неуправомоченного лица: если приобретатель не знал и не мог знать, что вещь приобретена у лица, которое не имело права на ее отчуждение, «это добросовестный приобретатель. И наоборот, если лицо знало или должно было знать о неуправомоченности отчуждателя «это недобросовестный приобретатель.

Изложенную характеристику добросовестности и недобросовестности необходимо дополнить еще одним признаком, специфическим для недобросовестности. Добросовестный приобретатель, приобретая имущество, не знал и не должен был знать, что он совершает противоправное действие: покупает вещь у неуправомоченного лица. Поэтому он и остается честным, добросовестным участником оборота, но, естественно, объективно его действия являются противоправными, а владение «незаконным.

Недобросовестный приобретатель знал или должен был знать, что совершает противоправное действие: приобретает вещь у неуправомоченного лица, то есть он недобросовестный приобретатель.

Подобная трактовка добросовестности и недобросовестности характерна и для некоторых других случаев. Так, в ст. 220, 234 ГК РФ говорится о приобретении права собственности на вещь в результате переработки материалов и по приобретательной давности. В указанных нормах также имеется в виду характеристика поведения соответствующих лиц (переработка своих материалов, владение имуществом, которое не принадлежит никому другому).

Таким образом, применяя термин «добросовестность» в указанных случаях в качестве категории права, законодатель решает вопрос оценки субъективного отношения лица к своим действиям.

Ранее было отмечено, что законодатель нередко указывает на добросовестность участников договорных отношений, но при этом не использует данный термин. Так, согласно п. 1 ст. 461 ГК РФ при изъятии товара у покупателя третьими лицами по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, продавец обязан

¹⁹ Brownsword R. Contract law: Themes for the Twenty First Century // Butterworths, 2000, paras 5.20–5.25 // See McKendrick E. Contract law: text, cases and materials. Oxford. 2005. P. 554–556.

²⁰ Brownsword R. Op. cit.

возместить покупателю понесенные им убытки, если не докажет, что покупатель знал или должен был знать о наличии этих оснований. В силу ст. 903 ГК РФ поклажедатель обязан возместить хранителю убытки, причиненные свойствами сданной на хранение вещи, если хранитель, принявший вещь на хранение, не знал и не должен был знать об этих свойствах. Хотя в указанных нормах термин «добросовестность» не употребляется, само их содержание свидетельствует о недобросовестности в одном случае покупателя, а в другом — хранителя. Такой же прием заложен в конструкции ст. 833, 978, 986, 1005, 1019 и других Кодекса. Поскольку в этих нормах речь идет о поведении субъекта, добросовестность в них употребляется как категория права. Законодатель в отдельных случаях характеризует поведение субъектов посредством другой терминологии, что обусловлено спецификой отношений. Так, согласно п. 2 ст. 375 ГК РФ гарант должен рассмотреть требование бенефициара с приложенными к нему документами в разумный срок и проявить разумную заботливость, чтобы установить, соответствуют ли это требование и приложенные к нему документы условиям гарантии.

О разумной заботливости в нормах права не всегда упоминается, но требование о добросовестном исполнении обязательства может вытекать из их содержания. Например, при отсутствии в договоре купли-продажи условия о качестве товара продавец обязан передать покупателю товар, пригодный для целей, для которых товар такого рода обычно используется (ст. 469 ГК РФ).

Добросовестность субъекта как категория используется законодателем и тогда, когда гарант должен немедленно уведомить бенефициара об отказе удовлетворить его требование (ст. 376 ГК РФ). Это в полной мере относится к терминологии, например, ст. 378, 518, 519 ГК РФ — без промедления; ст. 513, 773, 961 ГК РФ — незамедлительно; ст. 720, 748 ГК РФ — немедленно.

Насколько добросовестно действовали стороны в договорных отношениях, определяет только суд. И в зависимости от решения этого вопроса права соответствующей стороны могут быть защищены или ей будет отказано. Например, если продавец передал покупателю товар, который обременен правами третьих лиц, покупатель вправе требовать уменьшения цены товара либо расторжения договора. Однако суд должен будет отказать покупателю в удовлетворении исковых требований, если установит, что покупатель знал или должен был знать о правах третьих лиц на этот товар (п. 1 ст. 460 ГК РФ). Поведение покупателя в данном случае расценивается как упрямое, следовательно, он является недобросовестной стороной в споре, что обуславливает отказ в удовлетворении иска.

Но если поставщик, получивший уведомление покупателя о недостатках поставленных товаров, без промедления заменит поставленные товары товарами надлежащего качества, его поведение надлежит квалифицировать как добросовестное. Поэтому покупатель лишен возможности в этом случае воспользоваться правилами ст. 475 ГК РФ и предъявить поставщику предусмотренные в ней требования.

Таким образом, термин «добросовестность» применяется законодателем в качестве принципа права, так и категории права для оценки субъективного отношения лица к своим действиям, а также для характеристики специфики исполнения отдельных обязательств.

Е. БОГДАНОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Российской правовой академии Минюста РФ